

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

НЕМЦЫ В РОССИИ

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

А. И. Домашнев

А. ШТРЕМ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ НА НЕВЕ

Основными регионами расселения немцев в России — после известного обращения Екатерины II от 4 декабря 1762 г. с призывом к европейским народам переселяться в страну для хозяйственного освоения свободных земельных пространств и соответствующего манифеста российского правительства от 22 июля 1763 г. — стали территории на Волге под Саратовом, в столичной губернии на Неве, в Причерноморье и на Украине, а позднее — в Закавказье, на Урале, в Сибири и даже в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

До начала первой мировой войны в России насчитывалось около 2 тыс. немецких поселений, в которых проживало, согласно разрозненно существовавшим данным, около 1 млн. 600 тыс. человек, в том числе в Поволжье — 554 828, в Южной России — 524 321, в Сибири и Средней Азии — 105 100, в Закавказье — 15 000, в столичной губернии — 100 000 этнических немцев.¹

После нападения фашистской Германии на нашу страну в 1941 г. и насильственного переселения этнических немцев из европейской части СССР основными регионами их проживания стали Сибирь, Казахстан и среднеазиатские республики. При этом, если — согласно переписи 1959 г. — большинство немцев проживало в пределах Российской Федерации (всего в СССР — 1 млн. 620 тыс. немцев, из них в РСФСР — 820 тыс.), то в 1979 г. около половины всех немцев проживало уже на территории Казахстана: 900 тыс. от общего числа в СССР 1 млн. 936 тыс. человек, тогда как в РСФСР — 791 тыс.

Научное изучение диалектов этой национально-этнической группы населения началось только в послеоктябрьский период истории нашей страны, хотя попытки в этом отношении предпринимались еще ранее, в том числе не только в России, но и в Германии, когда там, в рамках Марбургской диалектологической школы под руководством Георга Венкера (1852—1911), началась работа над составлением немецкого лингвогеографического атласа. Убедившись в неполноте и неточности существующих в научной литературе данных по вопросу о границах немецких диалектов, он решил пополнить эти сведения путем рассылки составленной им диалектологической анкеты школьным учителям, на первых порах — Дюссельдорфского округа. Анкета заключала вначале 42, в дальнейшем — 40 предложений, иллюстрирующих важнейшие фонетические и грамматические особенности немецкого языка. Окрыленный первым успехом, Венкер в том же 1877 г. расширил район обследования, разослав ан-

кеты в соседние округа Рейнской области и Вестфалии. Позднее эта работа была поддержана учеными в других научных центрах (Берлинская Академия наук) и распространена на другие территории Германской империи (Баварию, Вюртемберг, Баден, Эльзас и др.), а после смерти Венкера его ассистент и преемник Фердинанд Вреде расширил географию обследуемых округов, включив в нее и немецкоязычные (диалектные) поселения («острова»), расположенные за пределами немецкоязычных государств. По имеющимся сведениям, Ф. Вреде обратился к германистам Саратовского университета с просьбой разослать диалектологические анкеты (Wenker-Sätze) в различные регионы России, где проживали этнические немцы, чтобы таким путем получить данные о характере диалектов российских немцев. Преподаватель этого университета А. Ф. Лонзингер и школьный учитель из с. Ягодная Поляна (в Поволжье) И. Г. Кромм в 1913 г. разослали эти анкеты в немецкие школы Поволжья, Украины, Кавказа, Крыма и Урала. За период 1913—1914 гг. они получили ответы из 87 немецких поселений, но начавшаяся первая мировая война помешала этому занятию. По имеющимся ныне сведениям, полученные Лонзингером и Кроммом материалы были пересланы в Марбург на имя Ф. Вреде, а их копии находятся в архиве Дингеса-Дульзона, хранящемся в Энгельсском филиале Саратовского областного архива.²

По существу первая научная публикация о немецких диалектах в России принадлежит перу профессора Грейфсвальдского университета В. фон Унверта. В период первой мировой войны в германских лагерях для военнопленных оказались и российские пленные из числа этнических немцев. Они находились в специальном лагере в г. Хольтгаузен (Вестфалия). В период с марта по июнь 1917 г. Унверт смог заполнить там анкеты с упомянутыми предложениями Венкера, что позволило ему собрать данные о различных немецких диалектах в России, так как среди пленных были выходцы из немецких колоний на Украине и в особенности с Поволжья. Собранный Унвертом «полевой» языковой материал позволил ему разработать первую классификацию немецких диалектов в России, а также провести идентификацию по принципу их исторического происхождения в Германии. Правда, эта попытка не могла быть успешной, так как за 100—150 лет своего бытования в России немецкие диалекты претерпели определенные изменения и приобрели — в результате характера расселения и последовавших перемещений на новые земли — в определенной мере смешанный характер. Результаты своих исследований Унверт опубликовал в трудах Прусской Академии наук в 1918 г.³ В это же время коллеги Ф. Вреде по Марбургскому центру В. Кро и В. Митцка предприняли попытку сделать лингвистические записи в лагере для военнопленных в Ветцларе и под Марбургом, где находились пленные этнические немцы — носители нижненемецких диалектов. Собранные ими материалы, насколько известно, не были опубликованы, но позднее, в 1928 г., в Мюнхене вышла в свет книга Я. Квиринга, в которой при описании истории переселения меннонитов в Россию были использованы и упомянутые языковые материалы, свидетельствующие о характере фонетического и грамматического строя диалекта колонии Хортица на юге России. В заключительной главе своей книги Квиринг изучает резуль-

таты лексического влияния на нижненемецкий диалект славянских языков (русского, украинского, польского), где побывали на своем пути продвижения в Россию меннониты, и составляет тематический перечень заимствованных слов.⁴

В России, как отмечалось выше, начало исследования диалектов немецких колонистов приходится на период после Октября 1917 г. В начале 20-х годов в Саратове под руководством Г. Дингеса, работавшего на кафедре В. М. Жирмунского в годы его научно-педагогической деятельности в местном университете до возвращения в 1919 г. в Петроград, была создана диалектологическая группа, занимавшаяся изучением немецких говоров колонистов Поволжья. В Ленинграде же по инициативе и под руководством В. М. Жирмунского, заинтересованного состоянием немецких диалектов еще в бытность свою в 1917—1919 гг. в Саратове, к середине 20-х годов была создана исследовательская группа из числа его учеников по университету, которая занялась изучением характера немецких диалектов в поселениях на Украине, в Причерноморье. Его ученик из прибалтийских немцев А. Штрём еще в 1921 г. приступил к обследованию говоров немецких поселенцев на Неве. Несколько позднее был создан аналогичный диалектологический центр в Одессе, в работе которого, по предложению В. М. Жирмунского, активное участие стал принимать и А. Штрём, переехавший к тому времени по совету своего учителя на Украину, где проживало более 500 тыс. этнических немцев, но не было достаточно подготовленных диалектологов. Таким образом, развитие немецкой диалектологии в западной части нашей страны с самого начала было обязано инициативе и научной деятельности В. М. Жирмунского.

Известно, что к этому научному направлению он пришел от общепилологических занятий. Его ученики Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева в связи с этим в своих воспоминаниях писали: «До середины 20-х годов интересы В. М. Жирмунского лежали в основном в области литературоведения. Путь, который привел его в языковедение, проходил через диалектологию. Начав с полевой, собирательской, описательной работы, которая позволила ему накопить огромный материал для дальнейших наблюдений, он пришел к широким теоретическим обобщениям, и не только в области диалектологии, но и языковедения вообще».⁵ Выступая с докладом (16.9.1926 г.) в Одессе на заседании местного этнографического и диалектологического центра, В. М. Жирмунский вспоминал, что еще летом 1921 г., отправившись со своим учеником А. Штрёмом в ознакомительное диалектологическое путешествие по районам немецких колоний на Неве, он практически приступил к работе, подобной той, которой в Поволжье был занят Г. Дингес.⁶ Об этом же он говорит в своем научном отчете за 1924/25 учебный год, касаясь результатов своей научной командировки в Германию.⁷ И хотя в целом период публикаций, отражающий «островную» диалектологическую деятельность В. М. Жирмунского, охватывает лишь короткий промежуток времени между 1926 и 1931 гг., он сделал своими трудами в этой области настолько значительный вклад, что имя его до настоящего времени остается наиболее часто упоминаемым в немецкой диалектологии. Причины, по которым он прекратил свои диалектологические штудии о немецких колонистах в России, были безусловно политиче-

янских
своём
ческий

лектов
1917 г.
рабо-
учно-
раще-
уппа,
ья. В
жму-
ще в
одов
в по
диа-
к из
сле-
нее
ра-
ас-
по
эт-
го-
ой
и

б-
о-
х
и
-
-
1

ские. Достаточно напомнить, что в январе 1930 г. в Саратове был арестован его коллега Г. Дингес, с которым у него еще раньше установились дружеские отношения, не прерывавшиеся и после возвращения В. М. Жирмунского в Петроград, чтобы понять, что это событие могло послужить ему своего рода предупредительным сигналом. Однако заметим, что прекращение занятий по изучению диалектов немецких поселенцев в СССР не избавило В. М. Жирмунского от подобной же участи, поскольку вскоре он был также арестован, при этом в течение 30-х—начала 40-х годов — неоднократно, но каждый раз, к счастью, ненадолго. Правда, в опубликованном к 100-летию рождения В. М. Жирмунского юбилейном томе, в котором переизданы его работы периода 1926—1931 гг. на немецком языке, редактор издания проф. К. Хуттерер, в 50-е годы учившийся в аспирантуре в Москве под руководством В. М. Жирмунского, полагает, что спад интереса к островной немецкой диалектологии у него наступил из-за того, что к этому времени, в ходе производившейся «насильственной коллективизации» в стране,⁸ любая подобная работа потеряла практический смысл. Безусловно, разрушение сложившейся структуры немецких материнских и дочерних колоний и выселков как бы перечеркивало проделанное описание островных диалектов и могло привести исследователей к огорчениям, но едва ли эта причина объясняет подлинные мотивы, побудившие их закрыть целое направление в германистике.

Период создания и практической деятельности немецких диалектологических центров в Саратове, Ленинграде и Одессе, при всей его вынужденной краткости, был достаточно плодотворным. Правда, удалось охватить прежде всего районы Поволжья и Причерноморья, тогда как немецким поселениям в других районах страны в этом отношении повезло меньше. Особой удачей в этом смысле можно считать идею В. М. Жирмунского предложить своему ученику А. Штрему заняться изучением языка немецких колонистов на Неве и в других районах в пределах Ленинградской области. По сути дела, научное наблюдение, которое ему удалось осуществить, стало не только пионерским исследованием диалектов неевских немцев («Neva-Deutsche»), но и практически единственным в своем роде, так как во второй половине 20-х годов А. Штрем переехал по совету В. М. Жирмунского на Украину, где начал заниматься немецкими диалектами этого региона, а в 1941 г., после начала войны, проживавшие еще здесь этнические немцы были депортированы в восточные районы страны, немецкие колонии на Неве, ставшие в свое время одними из первых колонистских поселений в России, прекратили свое существование.

Подготовленный А. Штремом в ходе трехлетних исследовательских занятий труд «Немецкие диалекты на Неве» был опубликован — при поддержке В. М. Жирмунского и в соавторстве с ним — в германском журнале «Teuthonista» в 1926 г. Долгие годы он оставался известным у себя на родине лишь узкому кругу специалистов, а имя автора, разделившего судьбу многих жертв политических репрессий 30-х годов, до недавнего времени даже не упоминалось. Включенная К. Хуттерером эта работа А. Штрема в упоминавшийся юбилейный сборник трудов В. М. Жирмунского переживает ныне

свое второе рождение и стала объектом интереса современных диалектологов.

Как отмечает во вступительной части своего раздела работы А. Штрём,⁹ всего в этом регионе насчитывалось ко времени его наблюдений 31 поселение, из которых три представляют собой наиболее ранние, изначальные, «материнские» колонии, возникшие в самые первые годы, когда началось переселение немцев в Россию. Уже в 1765—1766 гг. на правом берегу Невы поселились 60 семей, образовавших там колонию Ново-Саратовская; 22 семьи поселились в 12 верстах от Царского села, создав там колонию Средняя Рогатка; 28 семей организовали поселение на правом берегу р. Ижоры, притока Невы, получившее название Колпино, или Ижора. Сами колонисты называли свои поселения по числу семей: соответственно 60-я, 22-я, 28-я колонии. Опрашиваемые автором колонисты не могли дать ему никаких достоверных сведений о том, из каких мест их предки сюда прибыли, какие-либо архивные сведения ему также найти не удалось. Диалекты этих материнских колоний («поселений-метрополий», по В. М. Жирмунскому), как подчеркивает Штрём, не имеют между собой заметных или принципиальных лингвистических различий, поэтому в целях удобства описания он избрал систему диалекта Ново-Саратовской, а встречающиеся между этими диалектами расхождения по ходу анализа специально не оговариваются. Правда, во второй части этой работы, вышедшей под общим названием, но написанной, как отмечалось выше, самим В. М. Жирмунским, утверждается, что из трех невских материнских колоний две (Ново-Саратовская и Колпино) в фонетическом плане относятся к верхненемецким говорам, тогда как диалект Средней Рогатки свидетельствует о его средненемецком происхождении (притом, что грамматическое описание указывает на определенные процессы смещения и выравнивания между этими диалектами), а также об известной конкуренции дублетных языковых форм и вовлечении в употребление своеобразных гибридных образований.¹⁰

Диалектные образцы всех трех материнских невских колоний А. Штрём получил от своих друзей — информантов из этих поселений. Используя транскрипцию, применяемую в немецких изданиях и дополненную необходимыми собственными знаками, он записал для каждого из трех поселений в отдельности анкеты с предложениями Венкера. Значение уже только одного этого факта исключительно велико, так как тем самым был получен столь необходимый фактологический материал об одном из ареалов распространения немецких диалектов в России для целей немецкого диалектного атласа, разрабатывавшегося, как подчеркивалось выше, в рамках начинаний Марбургского диалектологического центра.

Во второй части своей работы А. Штрём представляет анализ звуковой системы (гласных и согласных) невских диалектов, а далее рассматривает в обобщенной форме морфологию глагола и имени.

Значение труда А. Штрёма трудно переоценить. Для студента университета и начинающего исследователя, оказавшегося по счастливому стечению обстоятельств и благодаря своим личным интересам и склонностям привлеченным к работе под руководством В. М. Жирмунского, А. Штрём смог осуществить исследование, которое самой судьбой, постигшей как этнических немцев, язык ко-

ченных диа-

ела работы
тени его на-
бой наибо-
кшие в са-
рессию. Уже
мей, обра-
селились в
я Рогатка;
сору, при-
ами коло-
енно 60-я,
не могли
х мест их
акже най-
оселений-
Штрэм, не
тических
систему
и диалек-
иваются.
м назва-
Кирмун-
ский две
сятся к
пки сви-
ом, что
сы сме-
извест-
в упот-

элоний
тоселе-
даниях
аписал
дложе-
лючи-
димый
нения
го ат-
их на-

чализ
далее
тени.
сента
част-
гере-
гвом
, ко-
ко-

торых он изучал, так и его самого, было предназначено в истории немецкой диалектологии стать единственным и, таким образом, непревзойденным.

Лишь крайне медленно и с большими бюрократическими и организационными трудностями идет возвращение этнических немцев в европейские регионы нашей страны из числа тех, кто еще не решился, подобно сотням тысяч своих братьев, выехать на свою первую историческую родину — в Германию. Небольшие группы таких возвращенцев изъявили желание связать свою жизнь с петербургским краем. Но это будут уже совсем другие немцы на Неве, для которых, хочется верить, начнется новая и более счастливая пора жизни и их истории. Другие невиские немецкие диалекты, если они окажутся на языковой карте нашего края, станут объектом диалектологического наблюдения и исследования. Труд А. Штрэма и его учителя академика В. М. Жирмунского останется в истории науки о диалектах уникальным.

¹ Schirmunski V. Die deutschen Kolonien in der Ukraine: Mundarten. Volkslied. Volkskunde. M., 1928. S. 11—13.

² Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowietunion, Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991. S. 22.

³ Unwerth W. von. Proben deutschrussischer Mundarten aus den Wolgakolonien und dem Gouvernement Cherson // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1918. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1918. № 11. S. 3—93.

⁴ Quiring J. Die Mundart von Chortitza in Südrussland. München, 1928.

⁵ Зиндер Л. П., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социоллингвистики. Л., 1978. С. 157—158.

⁶ Schirmunski V. Volkskundliche Arbeit in den deutschen Kolonien der Ukraine // Вісник Одеської комісії краєзнавства УАН. 415. Секція німецька. Одеса, 1929. Вип. 1. С. 7.

⁷ Жирмунский В. О диалектах немецких колоний в Советском Союзе: Доклад и заметки к нему, прочитанный в Берлине, Лейпциге, Марбурге во время командировки в Германию // ПФА РАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.

⁸ Hutterer C.-J. Viktor Schirmunski und die deutsche Sprachinselforschung // Viktor Schirmunski. Linguistische und ethnographische Studien 1926—1931 / Hrsg. von C.-J. Hutterer. München, 1992. S. 10.

⁹ Ströhm A. Deutsche Mundarten an der Newa. I: Die Mundarten der drei ältesten deutschen Mutterkolonien im Newa-Gebiet // Viktor Schirmunski. Linguistische und ethnographische Studien ... S. 135—156.

¹⁰ Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Newa. II: Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiet (mit einer Karte) // Viktor Schirmunski. Linguistische und ethnographische Studien ... S. 158.